ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук М. М. Крома
о диссертации Андрея Юрьевича Савосичева
«Дьяки и подьячие XIV – XVI веков:
происхождение и социальные связи»
на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история,
представленной в диссертационный совет Д 212.038.12
при ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Диссертация А. Ю. Савосичева посвящена важной и актуальной научной теме – формированию дьяческого аппарата Российского государства в первые века его существования. Хотя названная тема не раз становилась предметом рассмотрения отечественных исследователей (достаточно вспомнить труды Н. П. Лихачева, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, Н. Ф. Демидовой, А.П. Павлова, Ю. Г. Алексеева и других ученых), в ее изучении всё еще остаются значительные лакуны, некоторые из которых диссертанту удалось успешно заполнить. Впервые с такой полнотой реконструирован персональный состав дьяков и подьячих рассматриваемого периода, служивших великим и удельным князьям, а также русским митрополитам. Впервые собраны и проанализированы данные об их социальном происхождении, родственных и семейных связях, а также землевладении. Тем самым, на мой взгляд, исследование А. Ю. Савосичева вносит существенный вклад в разработку социальной истории средневековой Руси.

Лестных слов заслуживает методика обсуждаемого диссертационного исследования: автор мастерски владеет приемами просопографии, генеалогии и комплексного источниковедения.

Структура диссертации проста и логична. Во введении дается обоснование избранной темы, хронологических рамок и принятой терминологии; здесь же охарактеризованы методы работы. Первая глава содержит обстоятельный обзор историографии и источников по теме исследования. Последующие главы в хронологическом порядке представляют социальные «портреты» дьяков и подьячих XIV – первой половины XV вв., эпохи Ивана III, Василия III и Ивана IV.

Исследование А. Ю. Савосичева опирается на широкую и разнообразную источниковую базу: автор анализирует и сопоставляет между собой данные разрядных и родословных книг, десятен и боярских списков, писцовые материалы, акты из монастырских архивов, уцелевшие фрагменты делопроизводства центральных приказов.

Основные выводы обсуждаемой диссертационной работы представляются мне убедительными и хорошо обоснованными. В частности, нельзя не согласиться с тезисом автора о социальной неоднородности корпуса дьяков, который рекрутировался сначала из холопов, а позднее из служилых людей (дворян и детей боярских), детей приказных и лиц более низкого статуса («демократических элементов», по выражению диссертанта). При этом соотношение указанных элементов в составе дьяков менялось на протяжении

изученного исследователем периода: начавшееся еще при Василии II «одворянивание» приказной среды (т.е. приток в канцелярии служилых людей по отечеству) достигло своего пика в первой трети XVI в., когда около половины всех дьяков Василия III имело дворянское происхождение, но пошло на убыль в царствование Ивана Грозного.

Как убедительно показал диссертант, служба в дьяках и подьячих великого князя (а с 1547 г. – царя) на протяжении примерно столетия, с середины XV до середины XVI в., играла роль своего рода социального «лифта» для выходцев из среды провинциальных детей боярских, открывая им доступ в столичную элиту – Государев двор. Для лиц недворянского происхождения приказная работа продолжала играть роль такого «лифта» и в дальнейшем. Важно, однако, что для детей приказных деятелей служба в канцелярии вовсе не стала приоритетным вариантом карьеры: большинство выбирало традиционную дворянскую службу – военную. По подсчетам А. Ю. Савосичева, во второй половине XV – первой трети XVI вв. приказную работу выбирало не более 20 – 25% сыновей дьяков, а при Иване Грозном этот показатель снизился до 10% (с. 731). В описываемую эпоху в России так и не сложился замкнутый слой наследственной приказной бюрократии.

Важен и другой вывод диссертанта – о том, что по происхождению и имущественному положению дьяки и подьячие представляли собой разные социальные группы: вторые были худороднее и беднее. В свете исследования А. Ю. Савосичева несостоятельным выглядит традиционное представление о

том, будто служба в подьячих являлась необходимым условием пожалования в дьяки: в описываемое время, в отличие от XVII в., такого правила не было (с. 170). По наблюдениям диссертанта, во второй половине XV – первой трети XVI вв. в дьяки попадало не более 20% от общего числа подьячих, а при Иване Грозном – чуть более 10%, причем в первую очередь это были выходцы из дворян или потомственные приказные (с. 729).

Отмеченные выше наблюдения и выводы вносят много нового в сложившиеся представления о формировании государственного аппарата России в XV – XVI вв. Вместе с тем некоторые положения, содержащиеся в диссертации, вызывают у меня сомнения и возражения. Особенно это относится ко второй и третьей главам, в которых характеризуются ранние этапы формирования дьяческого корпуса – до начала XVI в.

Так, диссертант утверждает, что «институт великокняжеских дьяков существовал уже в первой половине XIV в.» (с. 85), хотя от XIV века до нас дошло только три имени – все они писцы великокняжеских духовных грамот, а прямо дьяками названы только двое: Кострома и Нестер. Думаю, об «институте» говорить в данном случае преждевременно. Важнее, однако, другое: следовало бы определить хронологическую грань, за которой подобные грамотеи из числа великокняжеских холопов уступили место новому поколению приказных дельцов – не только свободных, но и влиятельных. Диссертант отмечает только, что процесс превращения дьяков из холопов в свободных

людей можно заметить начиная с первой четверти XV в. (с. 86), но когда этот процесс завершился, ясного ответа в диссертации нет.

Нет и внятного объяснения произошедшей метаморфозы. Комментируя появление в дьяческой среде во второй четверти XV в. лиц дворянского происхождения и тенденцию к превращению дьячества в наследственную профессию, А. Ю. Савосичев связывает эти процессы с «дальнейшим усложнением задач государственного управления и ростом значения письменного делопроизводства в функционировании аппарата власти» (с. 99). Но это – слишком общая формулировка; в чем конкретно заключалось «усложнение задач государственного управления» при Василии II, в работе не показано.

Со своей стороны, рискну высказать предположение, что изменение статуса великокняжеских дьяков соответствовало возросшему престижу великокняжеской службы после победы Василия II в династической войне, престижу, отраженному в новом титуле – «государь всея Руси», и стало частью постепенной перестройки вотчинного управления в государственное.

Неубедительно выглядит и объяснение диссертантом появления подьячих во второй четверти XV в.: «Расширение территории Московского великого княжения, – пишет А. Ю. Савосичев, – не могло не усложнять системы управления государством, а, следовательно, и управленческого аппарата. Дьяку неизбежно должен был понадобиться помощник в лице подьячего» (с. 92). Между тем, по подсчетам самого диссертанта, при Василии II нам известно 14 дьяков и лишь 7 подьячих (с. 91, 92), т.е. «помощников» почему-то

было в два раза меньше, чем их предполагаемых начальников! Может быть, появление новой категории канцелярских служащих было вызвано не специализацией или усложнением функций, а соображениями престижа и разницей в статусе лиц, поступавших на великокняжескую службу?

Более обстоятельного объяснения требует также отмеченное диссертантом снижение интереса служилых людей к приказной работе во второй половине XVI в.: «Реформы «Избранной рады», перипетии опричнины, расширение государственного аппарата и усложнение его структуры, – всё это дало простому сыну боярскому, худому «отечеством» больший простор для карьерного роста, чем это было ранее. Значение дьяческой службы как «социального лифта» в этих условиях ослабевает», – полагает А. Ю. Савосичев (с. 555). Но этому объяснению не хватает конкретики, оно не выходит за рамки абстрактных предположений.

Указанные недостатки в определенной мере, на мой взгляд, являются следствием ограничения автором объекта исследования: сосредоточив свое внимание на нескольких важных сюжетах (происхождение, социальные связи и землевладение дьяков и подьячих) и сделав по ним ряд новых и интересных наблюдений, диссертант невольно упустил из виду более широкий контекст политического развития страны, что в ряде случаев сказалось на объяснительной силе его гипотез.

Отмечу также некоторую статичность используемой исследователем терминологии, которая подходит не ко всем временным отрезкам избранного

им для изучения огромного периода XIV – XVI вв. В частности, А. Ю. Савосичев уже применительно к эпохе Ивана III оперирует терминами «городовые дети боярские», «городовые дворянские корпорации», «служилый город» (с. 112, 114, 132, 135). Между тем о городовых служилых корпорациях есть смысл говорить не ранее XVI века, уже после проведения массовых испомещений детей боярских в Новгороде, Пскове, Смоленске и других присоединенных землях.

Встречаются в диссертации и отдельные неточности. Так, в алфавитном перечне дьяков Ивана IV годы деятельности (а точнее – упоминаний в источниках) Ивана Алексеева и Мелентия Иванова сына Андреева приведены со ссылкой на справочник С. Б. Веселовского: 1546 – 1570 и 1542 – 1569 соответственно (Прил. IV, с. 781, № 8; с. 782, № 14). Однако в упомянутом справочнике деятельность обоих приказных зафиксирована лишь с 1562 г. (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975. С. 16, 209). Откуда А.Ю. Савосичев почерпнул сведения о более ранней службе этих дьяков, остается неизвестным.

Неясно также, на каком основании А. Ю. Савосичев причислил к дьякам Ивана IV Василия Ивановича Беречинского (Прил. IV, с. 783, № 32): в источниках 1540-х гг., на которые ссылается исследователь, он упоминается без этого чина, а в сентябре 1544 г., в связи с дипломатической миссией к королю Сигизмунду I, прямо назван в посольской книге дворянином (Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 256).

Однако высказанные выше замечания в значительной мере носят дискуссионный характер и не снижают общей высокой оценки диссертации А. Ю. Савосичева, представляющей собой капитальный труд, содержащий оригинальное решение важной научной задачи – выявление социальной динамики нарождающейся российской бюрократии на протяжении двух с половиной столетий, с 1330-х до 1580-х гг.

По теме диссертации автором опубликовано 35 работ, включая две монографии и 15 статей в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК.

Автореферат адекватно отражает структуру и содержание работы А. Ю. Савосичева.

Представленное диссертационное исследование полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым ВАК к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук. Андрей Юрьевич Савосичев, несомненно, заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Подпись Крома М. М. заверяю
Ассистент ректора
19.02.2016

(подпись)

Кром Михаил Маркович,
доктор исторических наук,
университетский профессор исторической компаративистики
НОУ ВПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»
191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 3[а]
Тел. 8 (812) 386 76 43
email: krom@eu.spb.ru